

Судьба этого театра скорее трудна и противоречива, нежели красива и безоблачна. История волоком протащила его по всем своим рывтинам и ухабам. Даже название менялось трижды: Красной Армии, Советской, теперь вот — Российской. Неизменным, к счастью, остался главный капитал театра — его золотой актерский фонд. 10 февраля будет праздновать восьмидесятилетний юбилей Учитель танцев — Владимир Зельдин. Да и самому "Учителю" в будущем году — полвека. Чуть-чуть постарше знаменитого спектакля Альдемаро второго поколения — Федор Чеханков. Зельдин и Чеханков отличаются друг от друга так же ясно, как различались между собой два их Учителя. И все-таки ощущается в них глубинная внутренняя схожесть, то общее зерно, благодаря которому, собственно, и могла состояться в жизни каждого из них эта незабываемая звездная роль.

Владимир ЗЕЛЬДИН, Федор ЧЕХАНКОВ:

Взл. клуб - 1995. - 9 февр. - с. 7

"Но чести долг всегда нам свят — на нашем имени нет пятен"

— Федор Яковлевич, попытайтесь вспомнить свое первое впечатление от "Учителя танцев" с Владимиром Зельдиным.

Ф.Ч.: Первое — сложно воспроизвести. Оно было ошеломляющим, но довольно поверхностным. Зато прекрасно помню, как впервые столкнулся с Владимиром Михайловичем за кулисами и... не узнал его. Я только что окончил Щепкинское училище и показывался художнику на предмет поступления в театр. Когда начал говорить Зельдин, я опять-таки поразился несоответствию его голоса, темперамента сложившемуся сценическому имиджу. Существовал тип театра, где актеры, играя со "своим лицом", тем не менее полностью, до неузнаваемости перевоплощались.

— Каким было соотношение случайности, закономерности, везения в вашем вводе на роль Альдемаро?

Ф.Ч.: Ну случайного, по-моему, ничего не бывает. Не зря же меня приняли именно в этот театр. Но романтического зачала я в себе не ощущал. Никого не покорил, не сразил наповал, были и другие претенденты на эту роль. Достаточно сказать, что после восьми лет упорной работы, в день премьеры — 5 июня 1968 года, я все еще не верил в реальность свершившегося. Процент чуда, конечно, в этом был немалый, и сотворил это чудо главным образом Владимир Михайлович.

— Владимир Михайлович, для того, чтобы сыграть высокого романтического героя, действительно необходимы какие-то особые личные качества?

В.З.: Я бы не стал их называть особыми. Нужны достаточно простые вещи: чувство долга, ответственность, порядочность, доброта. Но это — обязательно. И еще одно качество, одинаково важное и на сцене, и в жизни, — умение видеть и понимать человека рядом с тобой, улавливать нюансы его состояния, чут-

ко на них реагировать.

— Существует ли взаимное влияние актера и его героя? Может ли роль способствовать человеческому совершенствованию исполнителя?

В.З.: Да, безусловно. Соприкосновение с таким материалом оставляет отпечаток на всю дальнейшую жизнь. Подобная драматургия формирует определенную систему взглядов, определенное мироощущение. Я обязан Альдемаро непреходящим ощущением влюбленности — в театр, в людей, в самый процесс существования на этой земле. Перед такой ролью несешь ответственность, ей хочешь соответствовать. Тот, кто идет с букетом цветов, не может совершить преступление. А ведь чем в сущности человек отличается от животного? То есть сейчас уже, может быть, и ничем... Но по великому замыслу — божественному, природному — только человеку дано нести цветы в душе.

— Для вас было важно продолжение жизни "Учителя" в следующем актерском поколении?

В.З.: Важно, очень важно. Не так грустно в силу возраста расстаться с любимой ролью, как смириться со смертью спектакля в целом. Нам, начинавшим в "Учителе танцев", нужно было пройти через сомнения, разочарования, даже отчаяние и дожить до премьеры, чтобы понять, что нет ничего более актуального для зрителей, за годы войны истосковавшихся по красоте и празднику. А второму составу работать легко и радостно — они входили в знаменитый, пользующийся любовью спектакль. Их увлеченность и мне чрезвычайно упрощала задачу, я занимался с ними с удовольствием...

Ф.Ч.: Владимир Михайлович передал вам спектакль буквально из рук в руки. Это был уникальный случай особых взаимоотношений: Владимир Михайлович являлся для меня и личным примером, и наставником, и репетитором.

— А что вы думаете о третьем рождении "Учителя танцев"?

Ф.Ч.: Боюсь, что спектакль все-таки умер. Его не стоило снимать. Все молодые актеры, приходившие в театр, впитывали в себя культуру "Учителя", прониклись его духом. Наверное, возможен римейк, спектакль-воспоминание, ностальгический, слегка пародийный, но не оригинальный, не заново рожденный в полном смысле слова.

— Это связано с трудностями технического порядка?

Ф.Ч.: Отнюдь нет. Это мы были самоучками, и только слухи приписывали нам специальное хореографическое образование. Сегодняшние молодые актеры гораздо более профессионально оснащены, пластически грамотны. Но мало повторить рисунок, его надо наполнить человеческим содержанием. "Учитель танцев" держался на искренности. Когда я пытался играть на чистой технике, ставить внутреннюю фонограмму, то уставал еще сильнее и чувствовал себя недостойным обманщиком. Владимир Михайлович учил нас не делать балетные па самоцелью, находить им оправдание в чувстве. Пируэт как доказательство любви, прыжок, возникший из импульса преданности... Мы не изображали дворян XVI века, и тем не менее Владимир Михайлович принес мне книгу о правилах поведения того времени, что-то вроде кодекса чести. Как обращаться к женщине, что можно и чего нельзя говорить, символика жестов, интонаций, взглядов. При наличии подлинного чувства любое слово, любое движение приобретает особое значение... "Учитель танцев" нес определенное качество чести. Не обязательно аристократическое. Оно может быть и у Зельдина, и у зека. Но без него этот спектакль бессмыслен. А режиссер такого не подкажет.

В.З.: Я настроен более оптимистично, нежели Федор Яковлевич. Уверен, что возобновление "Учителя танцев" реально. Не теряю надежды этим заняться. Я бы сделал третью редакцию более динамичной, но радикальных изменений в постановку вносить бы

тебе бесценные мгновения на никчемную возню?..

... Зельдин и Чеханков играют сейчас в своем театре nepозволительно мало. И не совсем то, а откровенно говоря, совсем не то, на что по праву таланта и опыта могли бы рассчитывать. Но жалобы и сетования — менее всего их стихия. Они решают свои проблемы сами. Федор Чеханков нашел себя на эстраде, Владимир Зельдин занят подготовкой собственного бенефиса...

В.З.: Я хочу устроить праздник. И в семьдесят лет я кое-что могу. Надоело играть при пустом зале, чувствовать себя смешным и нелепым. Хочу напомнить о себе зрителям, показать класс, похулиганить... Давно не получал от своей работы удовольствия. Со Светланой Безродной и ее оркестром, надеюсь, мы сделаем шикарное зрелище. Вы понимаете, я не могу больше ждать милостей от режиссера. Правда, судя по Николаю Александровичу Анненкову — ему 95, — у меня еще приличные перспективы, но... Говоря серьезно, страха смерти нет, но есть горькие сожаления — а, черт, не успею сделать, не сыграю!.. Федор Яковлевич, конечно же, не в таком цейтноте, но и от него многие роли уходят навсегда. А он, я уверен, может на драматической сцене такое, о чем мы и не подозреваем.

Зельдин и Чеханков — одни из самых эlegantных московских актеров. Вкус к форме проявляется у них и на сцене, и в жизни.

Ф.Ч.: Конечно, я учился эlegantности у Владимира Михайловича. Хотя до сих пор побаиваюсь и шляп, и бабочек. По-моему, актер, выделяющийся в толпе, — это хорошо. Человек несет себя, показывает, привлекает внимание, доставляет и себе, и другим эстетическое удовольствие.

Еще одна общая черта — естественная, без позерства благодворительность. Безотказность Зельдина вообще дает повод то ли к канонизации, то ли к сочинению анекдотов...

В.З.: Да мне это просто приятно. Вот я гуляю с двумя своими собаками, у меня часто спрашивают, как пройти на такую-то улицу. И мне нравится подробно, в деталях объяснять. Я даже специально изучил названия всех близлежащих переулков... Ну, конечно, больше проблем. Но если отказываешь кому-то в помощи, никакого права не имеешь считать себя интеллигентом. Деревенские люди, которые здороваются первыми, — интеллигенты. А среди нас, так называемых творческих людей, часто встречаются образованные, извините, выпендренчики...

Два Альдемаро — два красивых, благополучных и — тьфу-тьфу-тьфу! — удивительно молодых человека. Так сложилось, что были в их жизни Афганистан, ограниченные контингенты, тьмутараканские гарнизоны... Говорят, это была ошибка. Говорят, этого нужно стыдиться — плащи и шляги попали на вооружение оккупантам...

Ф.Ч.: Стыдно нам сейчас играть для трех десятков зрителей. А там мы ощущали свою востребованность. Я помню, как в ангар, рассчитанный на две тысячи человек, набивалось четыре...

В.З.: Молодые ребята, почти дети, оторванные от дома, вдруг ощущали внимание, заботу, убеждались, что о них помнят...

Ф.Ч.: Эти поздки были как возвращение к бродячему актерскому братству. И никакой халтуры, у каждого своя программа. Разумеется, мы имели доступ к самому высокому военному начальству. Но во время застолий не решали личных проблем — может быть, за это к нам хорошо относились? Как видите, сейчас, когда все возможно, мы с Владимиром Михайловичем не создали коммерческой фирмы по продаже самолетов...

В.З.: Сегодня мы не имеем права называться театром армии. И никакое это не "освобождение", а просто черная неблагодарность.

Ф.Ч.: Говорят, берлинскую бригаду перевели под Курск. Люди живут в землянках, в палатках. Я готов поехать туда хоть сегодня. Зачем? А зачем навещают больных? Есть определенные обязательства перед армией, содержавшей этот театр шестьдесят лет. Причем, прямо скажем, неплохо содержавшей. И практически никогда ничего силой не навязывавшей. С этой сцены сорок лет звучали слова Альдемаро: "Но чести долг всегда мне свят". И это было не идеологически, а человеком верно. А отказаться можно ото всего — от прошлого, от страны, от родителей, стоит только начать.

Гостей принимала Елена ЯМПОЛЬСКАЯ. Фото Игоря ИВАНДИКОВА.